

Дин Лейпек

ДРАКОН ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

КНИГА I

Дракон должен умереть

Дин Лейпек

Дракон должен умереть. Книга I

«1С-Публишинг»

2019

Лейпек Д.

Дракон должен умереть. Книга I / Д. Лейпек — «1С-Паблишинг», 2019 — (Дракон должен умереть)

Дин Лейпек – псевдоним молодой талантливой писательницы из Москвы. В её активе романы, стихи, рассказы, литературные блоги. В 2017 году Дин Лейпек выиграла конкурс «Фантастический прорыв» с книгой «Это всё придумали люди», выпущенной издательством «Флюид Fri-Fly». Автор является также призёром конкурса рассказов «Далёкий-далёкий космос», проведённого издательством «1С-Паблишинг» на интернет-площадке Author.Today. Трилогия «Дракон должен умереть» – героическое фэнтези, где сплетаются любовная, приключенческая и философская линии, придавая циклу редкостную для жанра глубину. В принцессу Джоан вселяется умирающий дракон. Как правило, в таких случаях люди обречены, ведь рано или поздно дракон берёт верх над сознанием человека, и тот обращается в монстра навсегда. Однако в хрупкой девочке откуда-то берётся невиданная сила, поэтому надежда на благоприятный исход есть. Спасение дочери король поручает верному лорду Генри, молодому дворянину, который берётся отвезти её далеко в горы к Мастеру Драконов. Только он может научить девочку контролировать враждебную сущность внутри неё. Но что будет, когда девочка станет взрослой и посмотрит на Генри другими глазами, ведь дракон-то никуда не денется... Читайте первую книгу цикла романов Дин Лейпек «Дракон должен умереть».

Содержание

Пролог	5
Девочка и дракон	6
На крыше мира	15
Начало пути	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дин Лейпек

Дракон должен умереть

Книга первая

Пролог

Эта история началась... Впрочем, а что же такое начало? Мы знаем, чем обычно истории заканчиваются – рано или поздно главные герои все же умирают в один день, как и было предсказано где-то сразу после их свадьбы. Но если конец предсказуем, выразителен и прост, то с началом творится полная неразбериха. Где у истории начало? Наивно предполагать, что это тот момент, с которого ее стали рассказывать. История началась задолго до того, как главные герои появились на свет – то, что стало для них началом, для родителей было лишь продолжением, а возможно, и концом, и этому концу предшествовало другое начало, а оно тоже было чьим-то концом – история уходит корнями в века, и где-то там, в глубине, спрятан незримый источник, первое Слово и причина всего. Мир таинственным образом обновляется извне, тогда как конец всегда имеет конкретную природу и неотвратимое воплощение. Конец неизбежен, начало неуловимо. Загадка истории – как вообще при этом что-либо может происходить.

И все же что-то постоянно происходит и складывается в короткие отрезки бытия, еле заметные для человеческого сознания. Охватить все мироздание невозможно – но можно уловить его мерцающую, невидимую суть, которая прорывается то здесь, то там в незначительных деталях, мелких происшествиях, повседневных мыслях – в людях. Начало и конец мироздания заключаются в одном вздохе – чтобы на мгновение увидеть их, нужно всего лишь задержать дыхание.

Он задержал дыхание. Перед его глазами, старыми, мудрыми желтыми глазами, почти утратившими свой блеск, промелькнула вся история человечества – вся история вселенной. Он не удивился. Он всегда видел весь мир – сразу.

И только конец – как обычно – ускользал от него. Его история обрывалась неизвестностью, повисала на полуслове. Она ничем не заканчивалась.

Потому что в самом конце, на границе между абсолютным знанием – и абсолютной пустотой – в его истории появлялась надежда. И за ней он не мог разглядеть неотвратимый исход. Надежда шептала – конца нет.

Смерти нет.

Есть только Начало.

Девочка и дракон

Теплый воздух впитывал последние лучи солнца, нижний двор заполнили голоса прислуги, крики детей, лай собак. Куры перебежали дорогу прямо под копытами, кошки, прищурившись, смотрели вслед – скорее отдавая дань традиции, ибо едва ли хоть что-то в путниках могло заставить кошек насторожиться.

В верхнем дворе замка было тихо и пусто. Фонтанчик, к которому путники подвели лошадей, еле слышно журчал. Они приехали вдвоем, но были ли это друзья, братья, или слуга и господин, сказать точно никто бы не смог. Оба сняли куртки, оставшись в одних рубахах, сапоги для верховой езды покрывал одинаковый слой пыли. Тот, что был ниже, моложе и, на первый взгляд, веселее, сполоснул лицо и руки, потом, подумав, опустил в холодную воду голову и после долго довольно отфыркивался, отряхивая светлую кудрявую шевелюру. Второй, высокий, с коротко стриженными волосами, запыленными так, что сложно было разглядеть их истинный темно-русый цвет, стоял рядом с конем, внимательно осматривая верхнюю галерею, идущую вокруг двора. Кудрявый, закончив фыркать и плевать, ушел вглубь замка, а стриженный опустился на край фонтана, зачерпнул пригоршню воды и задумчиво провел мокрой рукой по небритому лицу. Дорожная пыль оставила на ладони грязные подтеки, и, глядя на нее, он задумчиво улыбнулся, отчего его четко очерченные правильные черты лица сразу стали мягче.

Кудрявый вернулся вместе с конюхом из замковой челяди и дворецким. Лошадей повели к конюшне, а дворецкий глубоко поклонился и учтивым жестом пригласил второго путника проследовать за ним. Они ушли, и во дворе снова стало очень тихо.

* * *

– Генри! Я ужасно рад тебя видеть, – король поднялся навстречу. Крепко обнял, потом отстранил, положив руки на плечи, как будто желая получше рассмотреть. В отличие от многих королю при этом не пришлось запрокидывать голову – природа наградила всю династию Дейл хорошим ростом.

Генри улыбнулся и поклонился. Его немного раздражало, что король говорил так, будто Генри совершенно случайно оказался в Дернби, а не был вызван сюда срочным письмом. Но, в конце концов, король всегда вел себя подобным образом.

– Ты поразительно быстро доехал. Я ждал тебя на несколько дней позже.

Генри только пожал плечами. Поездки верхом, в отличие от пеших прогулок, не доставляли ему большого удовольствия, поэтому Генри всегда стремился закончить свое путешествие как можно скорее.

– Как ты доехал? Как здоровье моей дорогой кузины?

Генри ответил подробно и вежливо и на вопрос о путешествии, и на вопрос о своей матушке – и на все остальные вопросы, заданные королем. Он догадывался, что тот срочно выдернул его в Дернби не для дружеской беседы – но хуже всего на свете король умел переходить к главному.

Они разговаривали не меньше часа, пока все вопросы, которые король мог задать из вежливости или из любопытства, не иссякли. Повисла неловкая пауза. Наконец король прокашлялся.

– Генри, я не случайно позвал тебя сюда.

Лицо молодого лорда не выдало ничего, кроме вежливого интереса. Только уголки губ слегка дрогнули.

– Мне... вернее, не мне, а нам. Нам нужна твоя помощь.

Теперь Генри действительно стало интересно. Единственная помощь, о которой он мог подумать, заключалась в двухстах первоклассных лучниках – охотниках-горцах – и трехстах всадниках. А это значило, что где-то назревает война.

– Я слушаю, мой король.

Но тот, видимо, не мог продолжать. Он поднялся и начал ходить по комнате. Генри очень внимательно наблюдал за королем. Сколько он себя помнил, тот никогда не терял присутствия духа и врожденного оптимизма. Даже смерть горячо любимой жены, не пережившей родов второго ребенка, не сломила короля, хотя и украсила голову преждевременной сединой.

Наконец король остановился и смог выдать из себя:

– Это Джоан.

Генри удивленно поднял брови.

– Принцесса Джоан?

Король только кивнул. Генри нахмурился, пытаясь припомнить, что вообще когда-либо слышал или знал о принцессе Джоан, кроме того, что она – принцесса. На ум ничего не приходило. Он встречал ее два раза – очень давно здесь, в Дернби, и еще раз – в столице. Тогда, два года назад, она нечаянно наткнулась на Генри в одном из покоев, когда тот был с Алисией. Генри опасался, что девочка проговорится – но знал, что проговоришься не она.

– Что случилось с ее высочеством? – спросил Генри.

Король тяжело опустился в кресло и спрятал лицо в ладони. Потом поднял глаза, и Генри увидел, что те вдруг стали очень старыми.

– Они охотились, – начал король очень тихим, усталым голосом. – Три года назад, здесь, в горах. Джоан отъехала в сторону, потом вернулась ко всем... Никто ничего не заметил. Вечером ее лихорадило, но все обошлось. А затем... Ей недавно исполнилось тринадцать, и этой весной... Она сидела у себя в комнатах... а потом разозлилась... на кого-то... и тут это случилось.

– Что?

– Дракон.

– В смысле, дракон?

– В смысле, она превратилась в дракона.

Генри некоторое время молчал. Конечно, он знал о таких случаях. На севере это происходило довольно часто. Человек уходил в горы, а возвращался... уже не совсем человеком. Какой-нибудь старый умирающий дракон оставлял свое тело и вселялся в человеческое с тем, чтобы постепенно подчинить его себе и снова стать драконом, обновленным, молодым. Суеверные жители обычно выгоняли такого «одержимого» из деревни, и у него не оставалось ни сил, ни желания быть человеком. Он исчезал, а дракон продолжал жить, поглотив его душу. Такое случалось часто. Но принцесса?.. Наследница престола, пусть и второй очереди? Ее не выгонишь. Ее даже не спрячешь. А она от каждого резкого слова, от каждой случайной обиды превращается в чудовище с когтистыми лапами и огромными крыльями.

Генри поежился. Он вдруг понял, что король вообще-то держался молодцом.

– Когда это случилось?

– В конце весны. К счастью, мы жили здесь, а не в Риверейне. К тому же Джоан как-то почувствовала, что происходит, и успела выпрыгнуть в окно. Никто не пострадал, даже замок остался цел. Мы нашли ее потом в лесу, в одном дне пути. Это было...

Тут король умолк. Генри легко мог представить себе, как это было. Многие взрослые люди сходили с ума сразу же после первого превращения, а уж тринадцатилетняя девочка...

– Она пришла в себя в тот же день, – продолжил король, и Генри удивленно поднял брови. – Дня через три уже смогла говорить. Постаралась рассказать, что произошло. Оказалось, что она хорошо помнила, как дракон в нее вселился, но никому ничего не рассказала.

Сама не верила в то, что случилось, считала это частью горячечного бреда. Непонятно только, почему до сих пор...

– Это-то как раз неувидительно, – заметил Генри, когда стало понятно, что король продолжать не может. – Превращение происходит, когда человек перестает владеть собой. Эмоций девочки было для дракона недостаточно. А как только ее тело стало меняться, становиться подобным взрослому... Тут-то он и вылез. Кто знает?

– Почти никто. А всем, кто знает, под страхом смертной казни запрещено рассказывать. Принцесса теперь живет в башне и не выходит оттуда. Слуги только приносят ей еду, чистую одежду. Я иногда поднимаюсь к ней. Когда она говорит со мной, всегда стоит у открытого окна... Генри! Ей ведь можно помочь? Это можно вылечить? Тебя же учили этому!

«Так вот какая помощь ему нужна, – подумал Генри. – Всего не двести лучников. И не триста всадников. Ему нужен именно я. Потому что меня учили говорить с драконами. А у него прямо здесь, в замке, есть дракон, с которым срочно нужно договориться. Потому что он сидит внутри принцессы».

– Меня учили. Немного, – вслух сказал Генри. – Но мне нужно сначала посмотреть на... принцессу. Понять, что с ней и как.

Король благодарно кивнул – и Генри не смог сказать, что, насколько он помнил, это совсем не лечится. Ни один дракон не станет выходить из человека, потому что для дракона это означает смерть. А умирать драконы как раз и не умеют. Конечно, был маленький шанс... Но и о нем Генри не стал пока говорить королю. «Сначала надо действительно посмотреть на... них. Принцессу и дракона».

* * *

Они подошли к основанию узкой винтовой лестницы.

– Нам сюда, – сказал король, грустно взглянув вверх. Вздохнул и стал взбираться по крутым каменным ступенькам, иногда останавливаясь и громко сопя. Генри бесшумно шел следом.

Наверху они остановились у тяжелой двери с большим засовом.

– Раньше это было камерой для особо почетных и важных узников, – пояснил король вполголоса, затем постучал в дверь и громко позвал:

– Джоан! Это я! К тебе можно?

Генри услышал, как внутри что-то упало на пол, а затем приглушенный толстой дверью голос ответил: «Можно».

Они вошли. Комната оказалась неожиданно просторной и очень светлой – со всех сторон были зарешеченные окна. С одного из них решетка была снята. И у этого окна стояла худенькая девочка в шелковом сером платье. У нее были тонкие черты лица, большие глаза и волосы цвета запекшейся крови.

Генри остановился чуть позади короля, внимательно глядя на принцессу. Ему было жутко любопытно. Генри только однажды довелось своими глазами видеть человека, одержимого драконом, и это было довольно жалкое и страшное зрелище. А стоявшая перед ним девочка, если верить королю, пришла в себя всего через три дня. Могла логически рассуждать и здраво мыслить. Это было... нечто.

Генри очень внимательно смотрел на драконо-принцессу – а она очень внимательно смотрела на него.

– Не бойся, Джоан. Я привел к тебе гостя. Это лорд Теннесси.

И тут они оба улыбнулись. Генри – только мысленно, принцесса же усмехнулась вполне открыто.

– Мне кажется, я даже с ним знакома, – заметила она, слегка прищурившись, и еще раз улыбнулась, теперь уже именно Генри. «Помнит, зараза мелкая», – подумал он, но все же почтительно поклонился.

– Рада снова вас видеть, лорд Теннесси, – принцесса милостиво склонила голову, но улыбаться не переставала, причем довольно насмешливо. Генри мягко улыбнулся в ответ.

– К вашим услугам, ваше высочество.

– Ого, лорд к моим услугам! Звучит заманчиво.

– Джоан! – одернул ее король.

Принцесса склонила голову, но Генри видел, что уголки ее губ подрагивают, готовые в любой момент к очередной лукавой усмешке.

– Генри здесь по моей просьбе. Ты ведь знаешь, чему его учили на севере?

– О да, – лукавая усмешка снова вернулась.

Генри решил, что пора вмешаться.

– Мой король, мне кажется, нам с принцессой лучше пообщаться с глазу на глаз. Это сильно поможет... все прояснить, – он многозначительно посмотрел на принцессу, которая сразу перестала улыбаться.

– Да? – Король явно не был уверен. Он с тревогой взглянул на Генри, на принцессу, на окно и снова на Генри. Тот ободряюще кивнул королю. – Ну что ж... Тогда я буду внизу.

Король еще раз неуверенно оглянулся на дочь и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Некоторое время они стояли молча. Принцесса неуверенно покусывала тонкие губы.

– Чтобы сравнить счет – я видел, ваше высочество, как вы ревели и топали ногами, потому что принц Джон не соглашался отдать вам своего любимого пони. Зрелище было отвратительное.

Принцесса мрачно посмотрела на него исподлобья.

– Так что предлагаю забыть прошлое и начать наше знакомство с чистого листа.

Она немного помолчала и кивнула. Генри улыбнулся, подошел к окну, у которого стояла принцесса, и встал напротив, опершись плечом о каменную стену. Джоан напряглась и схватилась рукой за подоконник.

– Лучше не подходить ко мне так близко, – тихо предостерегла она.

– Не беспокойтесь. Я вполне представляю себе, что с вами можно делать, а что нельзя.

– Серьезно?

– Серьезно. И поскольку на самом деле вы не знаете, чему меня учили, – Джоан нахмурилась, – я расскажу. Мой замок, Тенгейл, находится далеко на севере, в самых что ни на есть суровых северных горах. И там живет очень много драконов – поэтому всегда есть несколько человек, которые умеют общаться с драконами, Мастера. Они могут худо-бедно договариваться о совместном сосуществовании. Для того чтобы стать таким Мастером, нужны определенные способности. У меня такие способности есть, поэтому я в свое время обучался у одного Мастера. Я многое знаю о драконах, могу говорить с ними, могу даже приказывать им, если очень повезет, – Генри не стал говорить, что последнее он ни разу в жизни не делал.

Принцесса широко раскрыла глаза и даже слегка подалась вперед.

– А какие для этого нужны способности?

– Хорошая голова и крепкие нервы.

– И все?

– Вообще-то, это не так часто встречается.

– Я имела в виду, может... Может, я тоже могла бы этому научиться?

– А вы хотите?

– Конечно! – воскликнула принцесса возбужденно. – Тогда я прикажу дракону выйти из меня, и он оставит меня в покое.

Генри сочувственно смотрел на нее. Джоан опять помрачнела.

– Я не смогу научиться, да?

– Научиться-то вы сможете, в этом я не сомневаюсь. Я просто не думаю, что ваш дракон так просто согласится из вас выйти.

– Почему?

– Ну, я бы на его месте не соглашался, – усмехнулся Генри. – Не каждому достается такая симпатичная девочка.

Принцесса кинула на него угрюмый взгляд.

– А если серьезно, я вообще сомневаюсь, что драконы когда-нибудь покидали человека, в котором поселились. Ни один из них на такое не согласится.

– Значит, я всю жизнь буду такой?..

Он ответил не сразу.

– Боюсь, что да.

Она смотрела в пол и молчала. Генри ждал, когда Джоан что-нибудь скажет. Мысленно он ею восхищался. Обычно драконы вселялись в человека со слабой волей, чтобы его сразу можно было полностью себе подчинить. Но этот дракон то ли был совсем плох и накинулся на первого встречного, то ли просто перепутал несформировавшуюся волю ребенка со слабой волей взрослого. В любом случае ему не повезло. Принцесса явно не собиралась так просто сдаваться.

– Папа сказал, что вы приехали помочь, – наконец проговорила Джоан. – Но как вы можете помочь, если все равно ничего изменить нельзя?..

– Я не говорил, что ничего изменить нельзя.

– Но...

– Я сказал, что вряд ли вам удастся полностью избавиться от своего дракона. Мне бы очень хотелось надеяться, что я не прав, но на вашем месте я бы ни на что не рассчитывал. Ложные надежды еще никому не помогали.

Джоан продолжала смотреть в пол. Генри вдруг с удивлением понял, что принцесса очень старается не заплакать, и потому быстро продолжил:

– С этим можно научиться жить.

– Как?

– С трудом, – честно ответил Генри. – С большим трудом. И я не могу обещать, что у вас получится. Хотя, – заметил он вполголоса, – если не получится у вас, то я не знаю, у кого вообще может получиться.

Джоан удивленно посмотрела на Генри.

– Почему?

– Вы удивительно хорошо справляетесь, – объяснил Генри. – Чаще всего человек сдается после первого же превращения, а даже если и нет, то быстро впадает в отчаяние и тоску, и в конце концов все равно ломается. А вы... Вы молодец.

Она закатила глаза, но улыбнулась.

– Вы не против, если мы сядем? – предложил Генри.

Она ответила не сразу, снова закусив губу.

– Если честно... мне так как-то спокойнее, – призналась она, кивнув головой на окно, – если что...

Он кивнул.

– Но вы можете сесть, если хотите. Даю вам на это свое высочайшее дозволение, – тут лукавая улыбка снова заиграла на губах у принцессы.

Генри церемонно поклонился, после чего осмотрел комнату. У одной стены стояла большая кровать, скорее удобная, чем роскошная. Напротив нее простенок между двумя окнами занимал огромный стол, заваленный книгами, картами, перьями, свитками пергамента. Все остальные стены закрывали полки, до потолка заполненные книгами и всякими странными

предметами – от чучела крысы до миниатюрных вазочек и статуэток. Посередине стоял еще один стол, чуть поменьше и поопрятней – книги и свитки на нем пытались образовать что-то вроде упорядоченной композиции. Возле него Генри заметил жесткий стул с высокой спинкой, а у небольшого камина – маленькое кресло.

Генри подтащил стул поближе к окну и сел.

– Для начала мне нужно, чтобы вы рассказали мне все.

– Что – все?

– Как дракон вселился в вас?

– Ах, – Джоан слегка побледнела. Казалось, она сейчас прокусит нижнюю губу насквозь.

– А это обязательно?..

– Боюсь, что да. Так я куда быстрее пойму, что можно сделать, – объяснил Генри.

Принцесса вздохнула.

– На самом деле... это было не очень страшно. Только очень-очень странно.

Генри поднял брови. Джоан заметила это и поспешила объяснить:

– Это был мой первый выезд на охоту. И вообще первый выезд верхом на взрослой лошади со свитой. Джон тоже был там, и он все дразнил меня, что я сижу в седле, как мешок, и что никогда не смогу его обогнать. Ну, я разозлилась, послала лошадь в галоп... и обогнала его, – тут принцесса довольно улыбнулась. – Но всех остальных я тоже обогнала, поэтому остановилась подождать. И тогда я заметила где-то далеко и наверху, на склоне горы, между деревьев...

– Что?

– Что-то очень большое и как будто блестящее.

– Блестящее?

– Ну да, как серебро... Или снег... Мне стало любопытно, я присмотрелась повнимательней, и тут...

Она остановилась, пытаясь подобрать правильные слова.

– Я не знаю, как объяснить. Как будто я сразу увидела весь мир в одно мгновение. И не только сейчас, а как бы от начала и до конца... Там были и страшные вещи, и непонятные, и еще что-то очень-очень красивое, но я не помню уже, что это было. А потом... меня как будто разорвало на части, – Джоан неуверенно посмотрела на Генри. – Это было не больно, только... Невместимо, что ли.

Генри кивнул, показывая, что понимает.

– Наверное, после этого я потеряла сознание ненадолго, потому что не заметила, как остальные подъехали. Спрашивали, что со мной. Я сказала, что у меня закружилась голова, и Джон еще подколол, сказал, что я слишком мелкая, чтобы так быстро ездить...

– А потом вы заболели.

Джоан кивнула.

– Меня знобило всю дорогу домой, а по приезду стало совсем плохо. Я не помню, что было после, говорят, я бредила и кричала. Поэтому я и решила, что то, что со мной случилось на охоте, – это просто мне почудилось...

Она замолчала.

– А потом? – спросил Генри тихо. – Когда вы... превратилась?

Джоан испуганно посмотрела на него и замотала головой из стороны в сторону.

– Мне нужно, чтобы вы рассказали. Это очень важно.

Она спрятала лицо в ладони, продолжая мотать головой, и всхлипнула. Тогда Генри встал, подошел к ней и крепко взял за плечи. Они были очень маленькими и худыми, но при этом совсем не казались хрупкими.

– Вы помните, что было, когда вы уже превратились?

Она медленно кивнула, не отнимая рук от лица.

– А как вы превратились обратно?

Она снова кивнула и наконец подняла голову.

– Я летела... – прошептала Джоан. – Это было ночью, но я видела все очень ясно, как днем. И у меня были огромные крылья. Огромные серебряные крылья.

– Серебряные? – перебил Генри. – Уверены?

– Уверена, – она кивнула и шмыгнула носом. – А потом... Мне кажется, дракон со мной говорил. Только я ничего не поняла. Но почему-то опустилась на землю, а в следующий момент это уже была снова я... В смысле, совсем я. Но я не могла встать, и даже пошевелиться. Я лежала и думала, что теперь я умру в этом лесу, а потом я заснула... А проснулась уже здесь, в замке.

– А кто решил, что вы будете жить в этой комнате?

Джоан подняла на него глаза. Они были желто-зеленые, с ореховым оттенком ближе к зрачку. Очень теплые и совсем не драконьи глаза.

– Вообще-то вы не можете ко мне прикасаться, лорд Теннесси. Только к руке, и только по особым случаям.

Генри тут же отпустил ее плечи и отошел на пять шагов, предписанных этикетом. Джоан достала тонкий батистовый носовой платочек и аккуратно промокнула им глаза и нос. Это было очень странно – жест придворной дамы у девочки. Пусть и принцессы.

– Я сама так решила, – серьезно ответила она.

– А почему?

Джоан посмотрела на него поверх платка.

– Я не хочу... больше... превращаться, – она поморщилась. – Никогда больше. Я подумала, что чем меньше буду всех видеть, тем больше вероятность, что этого не повторится. Я ведь права?

– Отчасти. Конечно, общаясь с другими людьми, вы, скорее, на кого-то разозлитесь или просто начнете волноваться, а это может послужить причиной превращения. Но не только.

Она вопросительно посмотрела на него.

– Любая сильная эмоция может это сделать. Например, отчаяние. А если очень долго сидеть здесь взаперти, в одиночестве... Чем вы вообще занимаетесь целыми днями?

Принцесса фыркнула, полунасмешливо, полусердито.

– Читаю. Папа составил мне список, который я все равно не прочту, даже если просижу тут вечность. А еще я рисую. Вышиваю. Я даже начала шить со скуки, хотя мне вообще-то не положено. Хотела научиться играть на лютне, но для этого нужен учитель...

– И вы совсем не выходите?

– Вниз – нет.

– Вниз?..

– Ну... – Джоан смущенно уставилась в пол, – иногда, когда становится совсем тоскливо, я вылезаю на крышу.

Генри мысленно прикинул, как можно вылезти на крышу башни из комнаты. Теоретически, он смог бы это сделать, но до сих пор Генри считал, что по части подобных смертельных трюков он был единственным в своем роде.

– И вы не боитесь высоты?

– Раньше боялась. А теперь нет. Совсем нет.

Он кивнул, мысленно отмечая и этот факт в чередо остальных. Как и то, что принцессу такая перемена не сильно удивляла.

– Вы хотите еще что-нибудь узнать? – спросила принцесса после некоторого молчания.

– Наверняка. Но пока ничего в голову не приходит.

Он заметил, что она опять закусила губу.

– Что такое?

– Скажите мне, только честно... Со мной все очень плохо?

Генри покачал головой и улыбнулся. Джоан удивленно посмотрела на него.

– Вообще-то... Вообще-то, с вами все отлично.

– Правда?

– Правда.

И тут принцесса, до сих пор державшаяся очень по-взрослому – слишком по-взрослому для тринадцатилетней девочки, – сделала то, чего Генри никак от нее не ожидал. Она высоко подпрыгнула, хлопнула в ладоши и издала победный клич, достаточно громкий, чтобы из открытого окна он разнесся над замком и окрестностями.

* * *

Король ждал у основания винтовой лестницы. При виде Генри он вздохнул с видимым облегчением и нетерпеливо спросил:

– Ну как?

Генри покачал головой.

– Не здесь.

В кабинете король кивнул Генри на кресло у небольшого столика, столешница которого представляла собой шахматную доску из очень дорогого дерева и слоновой кости. Фигур на столике не было.

– Раньше мы играли с принцем, – король заметил взгляд Генри. – Но в последнее время Джон редко ко мне заходит. Я потом обязательно заставлю тебя сыграть со мной.

Генри еле заметно поморщился. Он знал, что король играет из рук вон плохо, и каждый раз не мог понять, что лучше – честно выигрывать или поддаваться, проявляя верноподданнические чувства.

– Рассказывай. Насколько все плохо?

Генри внутренне улыбнулся тому, что отец и дочь задали ему почти один и тот же вопрос.

– Все не очень плохо. Во многом – сильно лучше, чем могло бы быть. Но в любом случае что-то сделать прямо сейчас нельзя.

– Почему? – нахмурился король.

– Хотя бы потому, что у принцессы начинается очень опасный возраст. Подростки и безо всякого дракона становятся в это время ужасными, а уж с драконом... У принцессы сильный характер, и то, как она держится сейчас, показывает, что можно пытаться что-то изменить. Но это долгая работа. Даже если все пойдет как надо, у нее уйдут годы, чтобы научиться владеть собой в достаточной степени, не боясь находиться с людьми в одной комнате.

– Годы?..

– Да.

– Через сколько же тогда?..

Генри понял, о чем спрашивает король. И знал, что на этот вопрос ответить честно не сможет.

– Я бы не загадывал так далеко, – осторожно начал он. – Не известно, возможно ли вообще полностью избавиться от дракона. Я о таких случаях не слышал. Лучшее, что можно сейчас сделать – это научить принцессу уживаться со своим драконом.

– Уживаться с драконом?! – Король вскочил на ноги. – Ты в своем уме?! Ты серьезно хочешь сказать, что она должна будет всю жизнь провести с этим чудовищем внутри?!

Генри склонил голову. Король гневно сопел над ним.

– Мой король, вы должны понять, – ответил Генри очень тихо. – Большую часть людей, в которых вселялся дракон, после первого же превращения никто никогда больше не видел. Остальные протягивали несколько месяцев, убив при этом пару-тройку человек, и тоже в конце

концов исчезали. То, что принцесса переносит все так, как она переносит, – уже в своем роде чудо...

Король хотел что-то сказать, но в последний момент передумал и лишь шумно выдохнул, опустившись обратно в кресло.

– Продолжай.

– Лучшее, что я могу предложить, – Генри поднял глаза на короля, – это попробовать научить ее говорить со своим драконом. Договариваться с ним. При удачном стечении обстоятельств и при условии, что принцессе хватит на это сил, она сможет в конце концов вести более или менее нормальную жизнь. Я бы рассчитывал пока только на это.

Король долго молчал.

– Что тебе для этого нужно? – спросил он наконец.

– В идеале?

– Да.

– В первую очередь – забрать принцессу отсюда. Увезти ее в такое место, где она могла бы не бояться кому-либо навредить в случае превращения, где ее никто в этот момент не видел бы. Она должна жить в очень спокойной обстановке, так, чтобы заведомо вокруг ничего не менялось месяцы, а то и годы. Кроме того, ее нужно многому обучить.

– Говорить с драконами, например? – недоверчиво спросил король.

– Этому тоже. Но не только. Не менее важно научить принцессу полностью контролировать свои эмоции. Существует множество способов... Какие-то из них могут быть полезными. Кроме того, есть некоторое количество простых лекарств, которые тоже могли бы ей помочь.

– И ты возьмешься за это?

– Я – нет, – Генри почувствовал, что король снова начинает вскипать, и быстро продолжил, – но я знаю человека, который почти наверняка согласится. Это мой Мастер. Он живет отшельником в горах, еще севернее Тенгейла. Много знает и умеет из того, чего не знаю и не умею я. Кроме того, я не могу постоянно жить с принцессой где-нибудь в глуши, а это именно то, что ей необходимо в первую очередь.

Король долго молчал. Генри немного жалел его. Все знали, что принц Джон чем дальше, тем меньше походил на отца, по крайней мере, во всем, что касалось характера и моральных принципов. А теперь терять и дочь тоже...

Наконец король громко вздохнул и с нарочитой решимостью заявил:

– Я подумаю. Но, Генри, если я на это соглашусь – и если Джоан согласится, – то в любом случае отвечать за нее будешь ты. Не важно, где и с кем она будет – отвечать будешь своей головой, ты понял?

«А соглашусь ли на это я, уже никого не интересует?» – мрачно подумал Генри, но вслух ничего не сказал и только кивнул.

– Иди, – проговорил король очень устало.

Уже в дверях Генри обернулся. Король сидел, обхватив голову руками, и грустно смотрел на пустую шахматную доску.

На крыше мира

Генри лежал на кровати и смотрел в потолок. Потолок был каменным, сводчатым, закопченным – ни одно из этих свойств не поднимало Генри настроения. Пожалуй, даже наоборот.

Отворилась дверь, и в нее осторожно просунулась кудрявая шевелюра Ленни. Генри не повернул головы.

– Вот вы где, милорд! У меня отличные новости! Во-первых...

Тут Ленни заметил выражение лица Генри и остановился.

– У вас, надо полагать, новости не очень?

Генри состроил слабую гримасу, означавшую «бывает и лучше».

– Мне оставить вас в покое или выслушать?

Генри пожал плечами.

– Тогда, наверное, я лучше послушаю.

Генри вздохнул. Несмотря на то что по всем правилам он должен был приказывать, а Ленни, его слуга, – исполнять, чаще всего получалось наоборот. Что в большинстве случаев обоим устраивало.

– Я только что согласился отвечать головой за перевоспитание принцессы, – сообщил Генри, по-прежнему не отрывая взгляда от потолка. – Нет, еще хуже. Я сам предложил отвечать головой за перевоспитание принцессы. А если быть совсем точным, то я предложил принцессу перевоспитать, а король сказал, что подумает, но в любом случае отвечать за это будет моя голова.

– Ну, – протянул Ленни, – это не очень плохие новости. Все зависит от того, какое у принцессы соотношение внешности и характера... – тут Ленни запнулся. – Подождите. Этой принцессы?

– Ну да. Других тут нет. «Может, и хорошо, что нет, – мрачно подумал Генри. – Одной и так вполне достаточно».

Ленни недоверчиво посмотрел на него.

– А с какой стати эту принцессу надо перевоспитывать? Вернее, с какой стати это должны делать вы, милорд? Они что, своими силами не справятся?

– Судя по всему, нет, – вздохнул Генри.

– И что это значит? Вы остаетесь здесь?

– Нет. Это значит, что мы увозим принцессу с собой.

– В Тенгейл?

– Сначала туда. А потом к Сагру.

Ленни помолчал.

– Наверное, я чего-то не знаю. Но я не понимаю, как перевоспитание принцессы и Сагр могут быть связаны между собой.

– Вот и хорошо. В данном случае чем меньше ты будешь понимать, тем лучше.

Ленни внимательно посмотрел на господина и кивнул. Генри хорошо его знал. Скорее всего, Ленни либо уже обо всем догадался, либо догадается достаточно скоро. Но Генри это не пугало. Если он и был в ком-то уверен, так это в своем слуге. По правде говоря, иногда Генри в нем был уверен больше, чем в себе.

– И когда вы едете?

Генри снова пожал плечами.

– Не знаю. Возможно, мне повезет, и король откажется от моего заманчивого предложения.

– Я бы на вашем месте не особенно на это рассчитывал, милорд.

Генри вздохнул.

– Иногда очень хочется надеяться на лучшее, – он потянулся и рывком поднялся на ноги. – Ты говорил, что у тебя хорошие новости.

– Ну, скажем так, были хорошие новости.

– Выкладывай.

– Сегодня Праздник жатвы, если помните. В селе неподалеку от замка ярмарка. Можно было бы наведаться туда... Хотя вряд ли это то, что нужно сейчас вашей светлости.

Генри улыбнулся:

– Ошибаешься. Это именно то, что мне сейчас нужно.

* * *

Уже стемнело, повсюду горели костры. Люди вокруг пели, хохотали, перешептывались в кустах и за амбарами. Румяные и уже порядком развеселившиеся девицы подбежали к Генри, заливаясь громким смехом, и куда-то потащили его, но он был слишком задумчивым и не сразу вспомнил, что в таких случаях полагается делать. А когда вспомнил, девицы уже исчезли.

Генри не соврал, сказав, что крестьянская ярмарка – это то, что ему было нужно. Здесь, вдали от каменных стен замка, было куда проще думать, даже несмотря на шум вокруг. Генри и так нечасто бывал при дворе – его всегда тяготили как необходимость соблюдать этикет, так и бесконечные интриги, разбираться в которых у Генри никогда желания не было. Здесь, в Дернби, и с тем и с другим было чуть лучше, чем в Риверейне, столице Инландии, – но королевский герб, вырезанный на тяжелых дверях, все равно напоминал Генри о его долге перед сюзереном. Тот факт, что Теннесси состоял с королевской семьей в отдаленном родстве – двоюродный брат матери Генри был женат на троюродной племяннице короля – ничего не менял. Король просил его помощи – значит, Генри должен был помочь. В вассальной клятве ничего не говорилось о размере помощи или тех случаях, когда сюзерену можно было отказать.

Генри не хотел этого делать. Он не хотел связывать себя такой ответственностью. У него было полно своих забот, да и вообще он плохо видел себя в роли опекуна драконообразной принцессы. Кроме того, в этом деле столько всего могло пойти не так, что казалось невероятным, как оно вообще может закончиться удачно. Конечно, король мог сильно преувеличивать насчет головы. Джона XII не зря прозвали Добрым, причем еще при жизни, что с королями случалось не часто. Но, когда речь шла о семье, характер короля мог круто меняться. А Генри любил свою голову и плохо представлял, как сможет без нее обойтись.

Но он знал, что выбора не было. Не потому, что он не мог отказать королю. Он мог, если бы очень захотел. Он даже мог бы, скорее всего, отказать так, что король бы все понял и не очень сильно рассердился. Но причина была в другом.

Генри помнил лицо принцессы, когда та прыгала и хлопала в ладоши. И вот этому лицу он не смог бы отказать. Даже если бы очень захотел.

– Милорд! Вы не соответствуете праздничному настроению простого люда.

Это был Ленни, пропавший некоторое время назад, и теперь возвращавшийся твердой походкой человека, который знает, что уже порядочно выпил, и старается этого не показывать.

– Боюсь, что да. Знаешь что, Ленни? Оставайся-ка ты тут, а я пойду в замок. Мне будет полезно прогуляться в одиночестве.

– Милорд! Я не могу отпустить вас одного!

Генри улыбнулся и вопросительно поднял брови.

– Конечно, милорд! – настойчиво продолжил Ленни. – Кто будет защищать вас от грабителей?

– В твоем состоянии, Ленни, ты сможешь их отпугнуть разве что могучим винным духом. Возвращайся. Девушки ждут.

Ленни неуверенно оглянулся к кострам, откуда доносились смех и пение.

– Все равно брать с меня нечего. Не волнуйся. Иди.

Ленни поклонился и удалился все той же уверенной походкой, всего один раз оступившись и два раза чуть не упав.

Генри стал пробираться к дороге. Самым опасным местом оказался темный проход между домами, где Генри то и дело спугивал очередную парочку, а один раз даже, кажется, на кого-то наступил. На дороге стало чуть светлее, а громада замка вдали отлично указывала путь. Генри шел, задрвав голову и глядя на звезды.

Некоторое время он восхищался своим благородным решением. Он смотрел на него с той стороны, и с этой, и снова с той, и находил, что это превосходный поступок, выгодно подчеркивающий его характер. Генри думал о том, как гордился бы им отец, если был бы жив, и как довольна будет мать... Тут, правда, Генри понял, что идея взяться за воспитание тринадцатилетней принцессы, временами превращающейся в большую летучую тварь, с точки зрения его матери, вряд ли может называться удачной. Да и отец, скорее всего, затею бы не оценил.

Тогда Генри начал думать, что, возможно, он просто слабохарактерная личность, которую каждый может использовать в своих интересах. Много подтверждало эту теорию, и некоторое время он грустил о собственной ничтожности и неспособности постоять за себя... Тут Генри споткнулся и чуть было не упал, после чего его голова перестала предаваться праздным мыслям и переключилась на более насущные задачи – например, как не свалиться в придорожную канаву.

До замка оставалось всего ничего, уже можно было различить линию стен и темный силуэт башни. Генри начал всматриваться еще до того, как понял, что именно ищет, и в тот же момент нашел – ряд освещенных окон на самом верху. Генри показалось, что он видит темную фигуру в одном из них, но на таком расстоянии мог и ошибаться.

Когда он подошел к замку вплотную и уже переходил мост, то понял, чего они с Ленни не учли в своем прекрасном плане. Мост, разумеется, был опущен. Но вот чугунная решетка внутри ворот закрывалась каждую ночь. И сейчас она тоже, естественно, была закрыта.

Генри подошел к маленькой дверце сбоку от ворот, ведущей внутрь караульной, через которую только и можно было проникнуть сейчас в замок. После первого стука ничего не произошло. Второй и третий тоже остались без ответа. Лишь слышалось в отдалении мяуканье кошки и лай разбуженной собаки, после чего снова наступила абсолютная тишина.

Генри постучал в четвертый раз, уже без особой надежды, и тут маленькое окошко над дверью распахнулось, и из него высунулось заспанное и сильно заросшее лицо.

– Чего стучишь?

– Мне нужно войти внутрь.

– Ха! Ишь, чего выдумал.

– Серьезно. Я здесь живу.

– Живешь?! Это королевский замок, бродяга, а не придорожный трактир. Я знаю всех, кто тут живет, а вот тебя – нет. Так что проваливай.

Генри начал раздражаться, поэтому заговорил еще спокойней и вежливей, чем обычно.

– Меня зовут Генри, лорд Теннесси. Я гость короля, прибыл вчера вечером. Будьте добры пропустить меня внутрь.

Голова внимательно осмотрела его.

– Ну нет. Ты похож на лорда, как я – на капустную кочерыжку.

«Вообще-то некоторое сходство есть», – хотел было сказать Генри, но сдержался.

– Кроме того, благородные лорды не околачиваются в одиночку на своих двоих под стенами замка. Так что всего хорошего! – на этих словах голова исчезла и ставни захлопнулись.

Генри задумчиво пнул дверь ногой. Конечно, завтра поутру, когда выяснится, что к чему, этому чрезмерно бдительному стражу сильно не поздоровится, но Генри все равно предстояло провести ночь под открытым небом. Не то чтобы он был сильно против, но мысль о теплой

постели приятно грела его во время пути. Кроме того, ночи были уже довольно холодными и довольно длинными. Генри вздохнул и с грустью посмотрел на закрытое окошко.

И в этот момент он услышал чей-то свист. Это был очень четкий, окликающий свист, и доносился он откуда-то изнутри замка. Генри осмотрел стены слева и справа от себя, но никого не увидел. Свист повторился. Генри вернулся к началу моста и снова осмотрел весь замок.

Сейчас он ошибиться не мог. В освещенном окне наверху башни действительно стояла фигура, и она совершенно точно махала рукой. Генри пошел вдоль рва и остановился прямо под окном, из которого виднелась голова принцессы.

– Лорд Теннесси! – окликнула она его громким шепотом. – Что это вы там делаете?

– Околачиваюсь на своих двоих под стенами замка, как только что выразился ваш стражник.

– А почему вы околачиваетесь по ту сторону стен?

– По эту сторону нельзя околачиваться под стенами.

– Это еще почему?

– Потому что внутри замка к стенам везде что-нибудь пристроено.

– Ах, – такой простой ответ явно разочаровал принцессу. Но она не думала сдаваться: – А как вы оказались снаружи?

– Вышел через ворота.

– А почему вы не вошли обратно через ворота?

– Потому что они оказались закрыты.

Принцесса задумалась. И наконец поймала его.

– А чем вы занимались между тем, как ворота были открыты и тем, как они оказались закрыты?

Это был коварный вопрос. Не то чтобы Генри стеснялся маленькой девочки, но и признаваться, где он был, тоже как-то не хотелось. Поэтому он ограничился полуправдой.

– Околачивался. На своих двоих.

Он не мог в темноте разглядеть лицо принцессы, поэтому не знал, поверила она ему или нет. Некоторое время принцесса молчала.

– Хотите, я вас впущу? – наконец спросила она.

– Буду чрезвычайно признателен.

– Тогда ждите у ворот.

Он вернулся на мост и прислушался. Долгое время все было тихо. Потом из караульной раздался приглушенный крик, какая-то возня, чей-то шепот, топот ног по лестнице – и наконец Капустная Кочерыжка отворил дверь. Вид у него был бледный и взъерошенный. Генри вежливо поклонился и прошел мимо. Ему показалось, что стражник дрожал, но зрение вполне могло обмануть Генри в темноте. За стражником виднелась маленькая фигурка в плаще и с фонарем в руке.

– Идемте, – тихо велела принцесса.

В узкой улочке, ведущей от ворот к нижнему двору, принцесса обернулась и задумчиво оглянулась на караульную.

– Забавно. Мне кажется, он подумал, что я привидение.

Генри критически осмотрел принцессу. Плащ укрывал ее с головы до ног, а лицо, и так довольно бледное, в свете фонаря и в обрамлении большого капюшона казалось совсем потусторонним.

– Я бы на его месте тоже испугался.

Она закатила глаза и пошла дальше. Он заметил, что двигалась она почти бесшумно.

– Почему вы еще не спите, принцесса?

– А вы почему не спите, лорд?

– Мне можно. Я взрослый мужчина в том возрасте, когда положено всячески вредить своему здоровью. А вот вам по многим причинам нужен хороший, долгий и крепкий сон.

Он различил в неясном свете фонаря, как она пожала плечами.

– Я не могу долго спать.

– Давно?

– Не... не очень, – запнулась она. – С тех пор, как...

Она не договорила, но он понял.

– И по утрам чувствуете себя усталой и разбитой?

– Все нет, – ответила Джоан удивленно. – Я вроде даже стала лучше высыпаться. Вот только...

– Что?

– Я больше не вижу снов. Не то, что я их не помню потом, а именно не вижу. Как будто я закрываю глаза, открываю – и уже утро.

Он ничего не ответил на это.

Принцесса молча довела Генри до двери в его комнату. Неуверенно остановилась, как будто не зная, что сказать.

– Спасибо, ваше высочество, – искренне поблагодарил Генри. – Вы здорово меня выручили.

– Не за что. В следующий раз, когда решите... околачиваться ночью, просто предупредите начальника стражи. Вам откроют. Ну а если нет, зовите меня. Я до рассвета не сплю.

– Благодарю. Доброй ночи, ваше высочество.

– Доброй ночи, лорд Теннесси.

Он потянулся открыть дверь, а когда обернулся снова, принцессы уже не было.

* * *

Прошел день после разговора с королем, и еще один, и еще, а Генри никто не трогал – и он в конце концов решил, что про его великодушное предложение все успели забыть. Погода после стоявшей жары резко испортилась, и Генри дни напролет сидел в библиотеке, пользуясь случаем, расширить свой кругозор за счет редких и ценных копий, которые мало где еще можно было достать. Генри обычно читал запоем – не притрагиваясь к книгам целыми месяцами и потом проглатывая несколько томов подряд. Вот и сейчас он зачитал по-черному, приходя в тихий пустой зал сразу после завтрака и уходя глубокой ночью. Ленни периодически пытался чем-нибудь подкормить Генри, без особого, впрочем, успеха, несмотря даже на феерические истории, которыми он мог приправить любую трапезу. Ленни рассказывал виртуозно, и хотя очень часто в его историях вымысла становилось слишком много, думать об этом не хотелось совершенно.

Спустя неделю король снова позвал Генри к себе. Предложил гостю выпить и, когда тот отказался, начал рассказывать о случае, произошедшем два года назад с одной пожилой фрейлиной. Генри слушал вежливо и не перебивал, как и полагается преданному вассалу, и даже когда история фрейлины плавно перешла в подробное описание сражения, в котором королю удалось поучаствовать еще совсем юным принцем, ни один мускул на лице Генри не дрогнул. Наконец король остановился, покашлял пару раз, сделал одно не очень внятное замечание про погоду, немного помолчал и произнес:

– Я подумал над твоим предложением.

Генри, уже несколько потерявший нить разговора, а точнее, королевского монолога, поднял глаза.

– Я слушаю, мой король.

– Во-первых, я не очень понял, как разместить принцессу у твоего учителя. Я так понимаю, что он живет, как настоящий отшельник – маленький домик, коза и пресные лепешки?

Генри улыбнулся. Описание было кратким, но точным.

– Именно так.

– Видишь ли... Принцессе полагается иметь свиту в десять фрейлин и пять пажей, кроме того, у нее должно быть не меньше трех горничных и двух камеристок. Даже если сильно сократить этот штат, все равно компания получается солидная...

Генри покачал головой.

– Нет, мой король. Если я повезу принцессу к Сагру, то повезу ее один. И только одну принцессу. Ни человеком больше.

Король ошарашенно посмотрел на него.

– Как – одну?.. Подожди, подожди, Генри. Я не могу отпустить ее неизвестно куда одну!

– Ну, не совсем одну, мой король. Принцесса поедет со мной.

– Да, но ведь ты не собираешься оставаться там, Теннесси?

– Я доверяю Сагру больше, чем себе.

– Это ничего не меняет. Одна она не поедет.

– Не одна она тоже не поедет. Простите, мой король, – добавил Генри, чувствуя, что переступает границы дозволенного.

– Почему? – спросил король, но не сердито, как ожидал Генри, а скорее устало.

– По очень многим причинам. Первую вы назвали сами. В домике Сагра есть ровно одна комната и ровно две кровати – одна для него и одна для его ученика. Поселить постоянно еще кого-нибудь вряд ли возможно. Кроме того, Сагр недаром живет, как отшельник – он не потерпит, если у него будет ошиваться хоть кто-то лишний. А этот кто-то точно будет лишним. Принцессе нужно пройти долгое, сложное и опасное обучение. Частью этого обучения будет в том числе полная изоляция от внешнего мира. Ей это необходимо, если мы хотим, чтобы она потом могла снова появляться на людях без постоянного страха стать драконом. Ей нужно сосредоточиться на себе, а это возможно только в классической системе «ученик — учитель». Иначе все мероприятие будет абсолютно бессмысленным, – закончил Генри.

Король долго молчал. Потер рукой лоб, на котором вдруг очень явственно стали видны морщины.

– Иди, – сказал он наконец. – Теперь я буду заново думать.

* * *

Разговор с королем полностью отбил у Генри настроение читать. Теперь он бесцельно бродил по замку, время от времени встречаясь с кем-нибудь из немногочисленных придворных. Конечно же, Генри всех знал, и все знали его, поэтому любые разговоры сводились к малозначащим беседам, какие обычно происходят между людьми, знакомыми слишком давно, чтобы начать проявлять друг к другу настоящий интерес. Иногда встречалась какая-нибудь хорошенькая фрейлина или хорошенькая горничная – но Генри они казались одинаково непривлекательными. Сказывалась погода.

Прошло несколько дней, и неожиданно для себя он понял, что вспоминает только об одной особе женского пола, находящейся в этом замке. О девочке, живущей на самом верху башни и вылезавшей на крышу, когда становится скучно. «Ей, наверное, жутко одиноко там», – внезапно подумал Генри – и отправился к винтовой лестнице.

Он постучал три раза, но никто не ответил. Генри осторожно заглянул внутрь. Его обдало холодом – окно снова было открыто, и с улицы в комнату врвался ледяной ветер. К счастью, дождь уже перестал – поэтому вместе с ветром внутрь не врывались потоки воды. Принцессы нигде не было видно.

– Ваше высочество? – осторожно спросил Генри, но никто не отозвался. Он вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Порыв ветра раскидал бумаги на столе, прошелестел страницами раскрытой книги. Генри заглянул в нее, проходя мимо. «...Когда человек умирает, он видит, как солнце встает на западе. Так он переходит из одного мира в другой. Его душа летит к солнцу так быстро, что успеваешь увидеть, как оно встает еще раз. И в этот момент свет этого мира становится не властен над ним. Он видит Тот Свет». Генри закрыл книгу и посмотрел на обложку. «Суть Света, или единобожие как истинное учение о бытии». Генри поморщился. Он скептически относился к книгам религиозного содержания. По его мнению, Свет на то и был Светом, что его невозможно описать. В отличие от всего остального.

Генри подошел к окну и выглянул наружу, наверх. Вылезти на крышу оказалось легче, чем он думал, однако проделать это нужно было на большой высоте. Очень большой высоте. Но Генри вырос в горах. Скалистых северных горах с крутыми обрывами и глубокими ущельями под ними.

Забравшись наверх, Генри встал, осторожно ступая ногами по скользкому тесу, оглянулся вокруг – и замер. Выражение «стоять на крыше мира» всплыло в голове – и хотя он стоял всего лишь на крыше башни, зрелище все равно было фантастическое. Серые, раздранные в клочья облака быстро бежали по небу, а под ними расстилались бесконечные просторы, леса и поля, и снова леса, и снова поля, скрывавшиеся в сизой дымке вдали. Генри долго стоял и смотрел. В такие моменты он всегда думал, что сорваться и упасть вниз не очень страшно, – если перед этим ты увидел такое.

Крыша башни начиналась с довольно пологого откоса, переходившего потом в остроконечное завершение. Обойдя примерно треть круга, Генри увидел принцессу. Она сидела, скрестив ноги, почти на самом краю. На ней были штаны, толстая вязаная фуфайка и мягкие сафьяновые сапожки.

– Красиво, правда? – спросила она, не оборачиваясь.

– Красиво, – согласился Генри, подходя и садясь рядом.

– Это ближе, чем пять шагов, – заметила Джоан, наконец посмотрев на него.

– Мы не на аудиенции, принцесса.

Она слегка прищурилась и снова отвернулась.

– Наверное, вы правы.

Они немного помолчали, глядя вперед.

– Что вы делали все это время, принцесса? – спросил он наконец.

Она поморщилась.

– Читала. По большей части. А вы, лорд?

– Тоже. По большей части.

– И больше не ошивались под стенами замка по ту сторону от ворот? – она слегка улыбнулась.

– Нет. И по эту тоже.

Они еще немного посмотрели на небо и землю. Земля выглядела плоской и неправдоподобной. Небо было глубоким и слишком близким, чтобы казаться настоящим.

– Папа не хочет меня отпускать, да? – спросила Джоан вдруг. У нее была странная особенность говорить тихо и при этом очень четко, так что он легко мог разобрать ее слова даже через шум ветра.

– Не совсем... – Генри замолчал и посмотрел на принцессу. Ветер трепал ее волосы, заплетенные в косу и выбившиеся спереди отдельными прядями. Она смотрела прямо перед собой, маленькая девочка, сидевшая на краю крыши – на краю мира, потому что в любой момент, он знал это, она могла раскрыть крылья и переступить навсегда тонкую грань между этим миром – и вечностью.

– Он просто боится за тебя, Джо.

Она вздрогнула и обернулась, и Генри понял, что обратился к ней совсем не так, как полагось, и даже совсем не так, как следовало. Он назвал принцессу именем, которым несколько дней называл ее в мыслях.

– Джо? – переспросила она.

– Прошу прощения. Я оговорился.

– Бывает, – улыбнулась она вдруг.

В этот момент они услышали, как внизу, в комнате, кто-то зовет Джоан. Она поднялась на ноги быстрым, отточенным движением.

– Это папа. Если я сейчас не спущусь, он начнет волноваться.

Генри послушно встал и пошел за ней вокруг крыши. Над открытым окном Джоан остановилась и повернулась к нему. Она по-прежнему улыбалась.

– Спасибо, что пришел... Генри.

Он не успел ответить, потому что она присела, схватилась за карниз – и в мгновение ока уже была в комнате. Генри поспешил следом.

Король ждал у двери. При виде Генри, влезавшего в окно, он вдруг резко изменился в лице и некоторое время стоял молча, не сводя с него глаз. Принцесса кусала губы. Генри ждал.

– Хорошо, Теннесси, – тяжело произнес наконец король. – Она поедет с тобой.

Принцесса радостно вскрикнула и бросилась королю на шею. Генри поклонился.

Когда они вышли от принцессы и стали спускаться по лестнице, король неожиданно остановился и повернулся к Генри.

– Знаешь, почему я согласился?

– Почему, мой король?

– Потому что ты первый человек, который смог залезть к ней на эту проклятую крышу.

Начало пути

Отъезд детей – всегда дело непростое. Какими бы вескими ни были причины, все равно кажется, что этого можно избежать, что вероятный риск превышает возможную пользу и лучше оставить все как есть. Однако если дитя – принцесса, проблема становится значительно серьезнее.

Как можно увезти Джоан на север, не вызвав при этом серьезных подозрений, на первый взгляд казалось задачей практически неразрешимой. Правда, принцесса очень здраво заметила, что она уже полгода сидит одна в башне, и если кто-то еще ни о чем не догадался, то он – круглый дурак, и его мнением можно пренебречь. Однако король сомневался, мучился, не мог ни на что решиться – и при этом почему-то упорно считал, что отвечать за все происходящее должен был Генри. Последний отнюдь не был в восторге от такого расклада. Ему нравилась Джоан, и он искренне хотел ей помочь. Но по возможности ему хотелось это сделать с наименьшим неудобством для себя. А вот это как раз и не получалось.

В конце концов король предложил отправить принцессу на обучение в один из северных монастырей – а оттуда она тайком должна была уехать с Генри. План был далеко не идеальным, но ничего лучше они придумать не смогли.

Все монастыри в Инландии находились на севере, в предгорьях Гра-Бейнн. Причина была не в безлюдности или суровости этой области, а в том, что культ Света пришел именно с севера. Изначально он был религией племен, обитавших в юго-восточной части гор Гра-Бейнн, однако со временем стал распространяться по всей стране. Почему у диких, отрезанных от мира племен уже существовал монотеизм, в то время как куда более просвещенные и культурные королевства все еще оставались верны различным формам язычества, могло бы стать этнографической загадкой, если бы не простое и логичное объяснение, которое всегда могли представить жители севера. Все дело было в драконах.

Горы Гра-Бейнн никогда не принадлежали человеку. Испокон веков они были землей драконов – и люди с благоговением и страхом держались подалеке, одинаково сторонясь неприступной горной страны – и ее обитателей. Но драконы людей не сторонились, напротив, они часто навевались к ним в гости – чаще из любопытства, чем из злых побуждений. На юге, особенно в Кресской империи, бытовал миф о кровожадных драконах, крадущих скот или похищающих юных девиц – миф, проистекавший в первую очередь из любви самих имперцев к обоим занятиям. Однако любой горец высмеивал такие слухи – потому что они не имели никакого отношения к реальности.

Никто не знал, откуда появились драконы. Говорили, что они родились из Тьмы, задолго до того, как в мире появился Свет. Кто-то, наоборот, считал, что они были созданы Тьмой в отместку за все творения Света. Подтверждения ни та ни другая версия не имела – а сами драконы не спешили раскрывать свои секреты. Никто не знал, чем они питаются, как появляются на свет и как умирают, чего боятся и чего хотят. Мастера драконов утверждали, что у драконов, в отличие от людей, вообще нет цели в жизни, ибо они созданы исключительно для того, чтобы быть, и сама экзистенция и есть их пища, сон, мечты, желания, смысл существования и венец всей жизни. Это было похоже на правду. Драконы действительно просто были. Иногда они были где-то далеко, иногда подбирались поближе к людям – и последние постепенно привыкли к этому. Во время встреч с драконами люди порой узнавали для себя что-то новое о сути мироздания – того мироздания, которым и жили сами драконы. И одним из этих нечаянных знаний было учение о Свете.

Разумеется, драконы не проповедовали новую религию – просто они любили иногда беседовать с Мастерами. Из разговоров с драконами Мастера со временем восприняли определенное представление о мире – и оно оказалось столь простым и логичным, что мало-помалу рас-

пространилось через Мастеров среди остальных горцев, всегда тяготеющих к лаконичности и ясности.

Если верить драконам, весь мир произошел из Света и Тьмы. Изначально эти две сущности были абсолютны и представляли собой все мироздание. Затем Свет стал расти, творя новое – и Тьма, чтобы уравновесить его, стала вплетаться в созданное, меняя его, давая всему новые значения, иные смыслы. И тогда, как венец своего творения, Свет создал человека и наделил его способностью выбирать, отличать Свет от Тьмы.

Если верить драконам, мир и человечество появились так.

И горцы поверили им.

Любая религия обростает обрядами – ибо люди редко способны воспринимать истину в чистом виде, не пытаясь облечь смыслы в символы, – но мировоззрение драконов было столь стройным и однозначным, что оставляло мало места для двояких суеверных толкований своих догматов. Свет в том виде, в котором драконы его представляли, не требовал ни обрядов, ни жертв – выбор человека, как суть всей религии, был единственным возможным поклонением Свету.

Однако люди все-таки придумали, как выражать свои убеждения – и у религии горцев появился обряд. Большое количество горного хрусталя в Гра-Бейнн, безусловно, способствовало его формированию – ибо главным ритуальным предметом стала линза, изготовленная из этого минерала. Линза преломляла солнечный свет и поджигала принесенную жертву – благоволия из различных трав. Воскурения совершались как обряд очищения, в честь праздников, на рождение, смерть или в знак благодарности, но всегда происходили одним и тем же образом, а слова сопроводительной молитвы были скупыми и искренними.

Когда более цивилизованные жители равнины переняли религию горцев, особенности их культуры привнесли свои неизбежные изменения. Вместо небольших алтарей в селах и городах появились храмы Света, а те, кто поддерживал порядок в них, постепенно отделились в особое сословие священников, служителей Света, которые жили на пожертвования прихожан и занимались исключительно тем, что проводили необходимые обряды. Производство линз для алтарей превратилось в отдельную отрасль и стало одной из основных статей дохода в северных областях Инландии. Одновременно появились монастыри – очаги духовного и интеллектуального развития, в которые уходили все, кто предпочитал Знание мирской суете. До появления первых университетов обучение происходило преимущественно в монастырях, и до сих пор знатных детей все еще было принято отправлять туда на несколько лет.

По этой причине отъезд принцессы в монастырь не должен был никого удивить. Куда более проблематичным, по мнению Генри, было устроить исчезновение принцессы из монастыря. Он не очень представлял себе, каким образом можно на протяжении нескольких лет скрывать отсутствие особы королевской крови. Однако король написал настоятельнице Тэгшольского монастыря, которая состояла в отдаленном родстве с покойной королевой. Он просил устроить короткое пребывание принцессы в монастыре таким образом, чтобы ее дальнейшее отсутствие осталось незамеченным – и матушка Элоиза заверила короля, что все необходимые меры будут приняты, и даже не стала спрашивать причины, по которой эти меры следовало принимать. Король был доволен, Джоан радостно готовилась к сборам. Генри молчал.

Следующим камнем преткновения оказался багаж принцессы. Король настаивал на двадцати вьючных волах и десятке обозов, Генри – на двух седельных сумках. Они бы еще долго спорили на этот счет, если бы принцесса со спокойствием настоящей женщины не заявила, что у нее будет пара седельных сумок – и запасная лошадь с поклажей. Король с Генри согласились, что это будет самым разумным, и Джоан принялась паковать вещи, пытаясь в тайне ото всех решить, какая книга больше пригодится ей – «Естественная наука в иллюстрациях»

или «Письма великих женщин». Выбор в конечном итоге пал на «Письма» – но исключительно потому, что они занимали меньше места.

Приготовления свиты заняли несколько больше времени, чем приготовления самой принцессы – это был первый парадный выезд Джоан спустя долгое время, и многое нужно было привести в порядок. Наконец последние попоны выткали нужным количеством серебра, паланкины обили лучшим шелком, и можно было отправляться в путь. После парадного завтрака принцесса со свитой медленно и торжественно отправлялась в монастырь – а Генри с Ленни ехали туда же быстро и тихо, чтобы успеть поговорить с матушкой Элоизой и приготовить все для дальнейшего отъезда.

Утро назначенного дня было холодным и туманным. Генри с королем стояли внизу лестницы, ожидая принцессу. Они услышали, как наверху глухо хлопнула тяжелая дверь, раздались легкие шаги – и на ступенях показалась Джоан.

Король улыбнулся с нежностью и гордостью одновременно, глядя на свою дочь, осторожно спускающуюся по высоким ступеням в роскошном серебряном платье с пышной юбкой. Генри прищурился, потом моргнул, потом снова пристально посмотрел на принцессу. Только его интересовало совсем не платье.

За спиной Джоан он совершенно отчетливо видел два огромных крыла. Они никак не могли помещаться в узких стенах винтовой лестницы – и не помещались, вылетая за пределы замка, за пределы реальности, за пределы этого мира...

Генри сосредоточился, и видение исчезло, а принцесса сильно покачнулась и почти упала с лестницы. Генри вовремя подскочил и поймал за ее плечи, король испуганно вскрикнул. Генри осторожно выпрямил Джоан и внимательно посмотрел ей в лицо.

– Как ты себя чувствуешь?

– Голова... – пробормотала она не очень разборчиво, – голова кружится.

– Мой король, все отменяется, – сказал Генри жестко.

– Что?

– Никакой свиты. Принцесса едет со мной в Тенгейл. Прямо сейчас. Только она. Ни одним человеком больше.

– Но...

– Папа, – сказала Джоан тихо, – он прав.

Генри чувствовал, что король начинает вскипать. Тогда он обернулся в пол-оборота и сказал тихо и очень серьезно:

– Мой король, принцесса только что почти превратилась в дракона. Я уважу ее.

* * *

– Одни, милорд?

– Да, Ленни. Очень быстро – лошадь, вещи в дорогу, я забираю принцессу, и мы едем.

– И вы уверены, что я вам не нужен?

– Уверен, Ленни. Пожалуйста, хоть раз в жизни не расспрашивай меня ни о чем.

Ленни фыркнул:

– Я и не собирался ни о чем расспрашивать. Понятное дело, в принцессе сидит дракон, вы везете ее к Сагру, чтобы с этим драконом разобраться. Я только не возьму в толк, почему я не могу поехать с вами.

Генри быстро глянул на слугу. Он не ошибся – Ленни быстро обо всем догадался.

– Или вы боитесь, что я буду вам мешать? – ухмыльнулся вдруг Ленни, и Генри выругался про себя. Он знал эту ухмылку.

– Тьма, Ленни! Это тринадцатилетняя принцесса. Уйми свою фантазию.

Ленни мгновенно перестал улыбаться.

– Прошу прощения, милорд. Я уже иду.

Но перед дверью Ленни остановился и обернулся.

– И тем не менее, милорд, – сказал он уже совершенно серьезно. – Что вы будете с ней делать, когда она станет шестнадцати или семнадцатилетней принцессой? В этот момент тот факт, что она принцесса, может показаться вам уже не таким значительным. А ей – тем более.

И с этими словами Ленни вышел, зная наверняка, что на такой вопрос Генри никогда не ответит. Потому что на такие вопросы Генри предпочитал не отвечать даже самому себе.

* * *

– Генри, это действительно невозможно!

– Почему, мой король?

– Потому что отсутствие принцессы никак нельзя скрыть. Одно дело, когда она в башне, и это каждый может проверить, и совсем другое – когда принцесса находится неизвестно где, неизвестно с кем, и невозможно даже удостовериться, что она жива. Это королевский двор, Генри. Я не имею права на такие ошибки. Слишком много людей поспешат ими воспользоваться.

Они снова стояли у лестницы и снова ждали Джоан, только теперь готовую к совсем другому путешествию. Генри почувствовал, что выходит из себя. К счастью, в таких случаях он начинал вести себя еще вежливее и спокойнее, чем обычно, что было весьма полезным в разговорах с королем. Если уж и ругаться со своим сюзереном, то только очень вежливо.

– Мой король, это ваш двор, ваш замок – и ваша дочь. У меня нет никакого права во все это вмешиваться, – и, если честно, никакого желания. Вы попросили меня о помощи – я готов помочь. Если прикажете мне, я подчинюсь. Но я не могу помогать вам вопреки желанию и не могу под видом помощи делать то, что совершенно бессмысленно. Единственное, что я могу предложить – это увезти принцессу сейчас, передать ее на обучение моему учителю и быть связующим звеном между вами и принцессой во время всего периода обучения, сколько бы тот ни продлился. Никто не должен ехать сейчас с нами – и никто не может оставаться с ними потом, даже я.

– А ты сам не можешь взяться за ее обучение? – почти беспомощно спросил король. – В своем замке? Или, по крайней мере, вызвать этого Мастера в Тенгейл?

– Нет.

– Почему?

Генри не сразу ответил.

– Мой король, я устал объяснять то, что вы не хотите понимать. Либо мы делаем так, как я говорю, либо никак. У меня нет никакого желания уговаривать вас делать то, в чем я и сам совсем не хочу участвовать. Если вы не собираетесь отпускать принцессу со мной, тогда я уезжаю один. Мои искренние пожелания здоровья и благополучия.

С этими словами Генри поклонился и пошел прочь от опешившего короля.

Он прошел по коридору, повернул за угол, спустился на несколько ступеней и вышел на верхний ярус открытой галереи, огибавшей внутренний двор. Внизу у фонтана уже стояла пара лошадей, на каменном ограждении бассейна сидел человек в плаще. Услышав шаги Генри на галерее, он поднял голову и махнул рукой. Генри тоже поднял руку. Немного подумал и, перекинув ноги через перила, мягко спрыгнул во двор. Можно было дойти до лестницы и спуститься по ней – но время поджимало. Он не знал, сколько времени понадобится королю, чтобы шок сменился яростью.

Человек в плаще придержал ему стремя, оглядываясь при этом на конюха, вышедшего в верхний двор из королевской конюшни, потом быстрым движением вскочил в седло. Они

выехали из двора, не торопясь, спокойным шагом. Дул сильный ветер, Генри завернулся в плащ плотнее и тоже надел капюшон.

Подъехав к воротам, они остановились.

– Ленни, как ты думаешь, мы успеем в Стэмpton до заката?

Слуга неопределенно пожал плечами. Уже хорошо знакомый Генри Кочерыжка отдал им честь. Генри кивнул тому, проезжая мимо.

Они так же неторопливо, легкой рысью поехали по дороге до первого поворота. Когда деревья полностью скрыли их от замка, Генри остановился и повернулся к своему спутнику.

– Начиная с этого момента, Джо, ты не принцесса, а я для тебя – не лорд Теннесси, сыззерен твоего отца. Я отвечаю за тебя, и поэтому ты делаешь то, что я тебе говорю. Ясно?

Человек в плаще кивнул.

* * *

От королевского замка до Тенгейла было три дня пути. В первую ночь они остановились в Стэмптоне. Генри пошел внутрь первым, а некоторое время спустя появился и Ленни – настоящий Ленни, маленький, веселый, с густыми кудрявыми волосами. Генри вопросительно посмотрел. Ленни кивнул.

Когда они поднялись наверх в комнату, было уже темно. Ленни оставил свечу и вышел спуститься за едой, Генри вошел и осмотрелся. Внутри никого не было. Из открытого окна сильно сквозило, он закрыл его, услышал шум за спиной и обернулся ровно в тот момент, когда Джоан спрыгнула на пол. Он посмотрел наверх. Потолок не был подшит, стропила и балки кровли темнели закопченными боками.

Джоан отряхнула с курточки пыль.

– Кажется, там давно никто не убирал, – проворчала она, поглядывая на балку, с которой только что спустилась.

– Я передам хозяину, – усмехнулся Генри.

– Да, пожалуйста, – ответила она рассеяно. Потом нахмурилась. – Если нас поймут, у тебя будут большие неприятности.

– Вполне возможно, – согласился он спокойно.

– Тогда зачем ты все это делаешь? – требовательно спросила она, с детской непосредственностью ожидая простого ответа на любой самый сложный вопрос.

Генри задумался. То же самое он спрашивал у себя самого уже полдня, ровно с того момента, когда он понял, что король не согласится отпустить принцессу.

– Не знаю, – ответил Генри наконец. – Может быть, мне остро не хватает неприятностей?

Джоан прищурилась.

– Не думаю, – сказала она наконец медленно.

Генри поднял брови.

– Я думаю, тебе остро не хватает возможности блестяще с ними справиться.

* * *

Следующий день они ехали так же – Ленни впереди, Генри с Джоан за ним. Погода, на их счастье, по-прежнему стояла холодная и промозглая, поэтому путники в плащах с капюшонами никого не смущали. Благополучно проведя еще одну ночь на постоялом дворе, они выехали на дорогу, ведущую в Тенгейл, рано утром. Ленни дождался их на середине пути, и дальше они продолжили путешествие вместе. Ленни шутил и подкалывал принцессу, принцесса шурилась и ерничала в ответ. Генри молчал. Теперь, когда предприятие почти удалось, он начал сомневаться, стоило ли оно возможных последствий. Иногда Генри казалось, что нет.

Но когда он слышал, как принцесса смеялась и болтала с Ленни, то думал, что все-таки прав. Ему не нравилась мысль, что он мог уехать – а она снова остаться в своей башне совсем одна.

Генри не знал, чем ему может грозить подобная эскапада. Король Джон был, безусловно, добрым, и Генри очень надеялся, что содержание записки, оставленной ему Джоан, было достаточно убедительным и хоть немного умиротворяющим. Но до конца он в этом уверен не был. Будущее головы представлялось Генри довольно туманным. Но пока что его удивительным образом это не волновало.

Они добрались до Тенгейла вовремя – то есть в то время, когда замок мог произвести наилучшее впечатление. Последний поворот горного серпантина вывел их на место, с которого открывался роскошный вид. Солнце как раз на секунду вырвалось из-под тяжелых туч, окрасив стены с одной стороны пронзительным, жестким оранжевым светом. Целиком вырастая из отвесной скалы и нависая над пропастью гладкой громадой серых стен, Тенгейл являл собой картину суровой и вместе с тем какой-то почти равнодушной неприступности. Замок существовал в ином измерении, недоступный для вторжения и парящий, словно мираж, посреди туманных гор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.